

чение отсылает нас к многовековой традиции китайской поэзии, которая (как уже было сказано выше) была тесно связана с музыкой.

Таким образом, все части «Шанхайских набросков» объединены лирическим сюжетом, наличием стихотворной техники в прозаическом повествовании. Истоки произведения можно усмотреть как в русской, так и в китайской литературных традициях. Щербаков, пытаясь проникнуть в тайнство культуры Китая и раскрыть ее своеобразие читателю, использовал максимально широкую палитру средств изображения и, на наш взгляд, добился желаемого эффекта. Прочитав миниатюры, читатель убеждается в неисчерпаемом духовном богатстве древней культу-

ры, ее своеобразии и уникальности, в ее безграничном творческом потенциале.

Т.В. Хлопова

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ»

The article is about the precedented phenomena. An attempt has been made to analyse their functions and characteristics.

Сегодня интерес лингвистов к «человеку говорящему» не ограничивается анализом того, что говорится. В центре внимания исследователей оказывается то, что подразумевается, какое речевое намерение движет языковой личностью при выборе тех или иных языковых средств. «Читать между строк следует даже тогда, когда эти строки не записаны на бумажном листе» [16, с. 285]. Постулируя уникальность и специфичность языка того или иного лингвокультурного сообщества, ученые приходят к выводу, что в каждом языке есть ограниченный, меняющийся, но обязательный набор сведений, который обеспечивает понимание между носителями данного языка и культуры. «Язык, используя свой код... фиксирует духовный опыт человека в культурной сфере и транслирует этот опыт следующим поколениям, обеспечивая информационную преемственность» [1, с. 9]. Этот опыт объективируется в языке в форме афоризмов, крылатых фраз, безэквивалентной лексики, имеющих прецедентный статус.

Прецедентные феномены и проблема прецедентности в целом находятся в центре оживленных дискуссий. По мнению А.А. Залевской, «изучение разных проявлений прецедентности становится в последнее время все более популярным» [3, с. 39-54].

При знакомстве с литературой по проблемам прецедентности поражает множество взглядов на ее структуру и сущность, что, по словам Д.Б. Гудкова, «связано со сложностью и диалектичностью понятия прецедентности» [2, с. 102]. В фокусе внимания ученых, занимающихся проблемами прецедентности, находятся «прецедентные имена» (Д.Б. Гудков, В.В. Красных, И.В. Захаренко), «прецедентные высказывания» (В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвинова, И.В. Захаренко), «прецедентные ситуации» (В.В. Красных), «прецедентные феномены» (В.В. Красных). Кроме того, существует ряд работ, рассматривающих феномен прецедентности в терминах «текстовых реминисценций» [18, с. 17-29; 17], «прецедентных текстовых реминисценций» [15], «социальных архетипов личности» [6], «логоэпистем» [1]. Несомненно, объединяющим все эти термины звеном можно считать то, что прецедентность и выражающие ее формы являются неотъемлемыми единицами коммуникации, способом хранения и передачи информации, определяют участников общения как представителей данной культуры в определенное историческое время и отражают «внутреннюю», духовную жизнь человека [14, с. 11].

Теория прецедентности – достаточно молодая отрасль в лингвистической науке, хотя впервые концепция преце-

1. Бежин Л.Е. «Под знаком ветра и покоя». Образ жизни художника в Китае III-VI вв. – М.: Наука, 1982.
2. Девятков А. Красный дракон. Китай и Россия в XXI в. – М.: Алгоритм, 2002.
3. Завадская Е.В. Эстетические проблемы живописи старого Китая – М.: Искусство, 1975.
4. Литературная энциклопедия терминов и понятий / ред. А.Н. Николюкин. – М.: НПК Интелвак, 2001.
5. Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в русской литературе. – М.: РГГУ, 2002.
6. Щербаков М.В. Корень жизни. – Шанхай: Врата, 1943.

дентных текстов была представлена Ю.Н. Карауловым в 80-х гг. XX в. В докладе «Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности» на IV Международном конгрессе преподавателей русского языка и литературы в 1986 г. ученый отметил, что прецедентные тексты являются ее важнейшей структурной составляющей. Отличительными характеристиками прецедентных текстов, по словам Ю.Н. Караулова, являются их: 1) хрестоматийность, они должны быть известны всем независимо от того, изучались ли данные тексты в общеобразовательной школе или нет; 2) общеизвестность, знание данных текстов как показатель принадлежности к данной культуре и эпохе; 3) реинтерпретируемость, воплощаясь в других видах искусств, в других жанрах – они становятся фактом культуры в широком смысле и получают интерпретацию у последующих поколений [5, с. 216-217]. Ю.Н. Караулов дает широкое толкование термина «текст», поэтому московские лингвисты, занимающиеся проблемами межкультурной коммуникации (Д.Б. Гудков, В.В. Красных, И.В. Захаренко, Д.В. Багаева), ввели понятие «прецедентный феномен», вернув тексту лингвистическое понимание.

Несмотря на то, что понятие прецедентности быстро заняло заметное место в терминологической парадигме современной лингвистики, сам феномен прецедентности до сих пор не получил полного осмысления. Участники научного семинара «Текст и коммуникация» В.В. Красных, Д.Б. Гудков, Д.В. Багаева, И.В. Захаренко вплотную занимаются изучением проблемы прецедентности. Их точки зрения во многом схожи и «направлены на верификацию идеи о существовании когнитивной базы лингвокультурного сообщества, основными составляющими которой являются прецедентные феномены национального уровня прецедентности» [3, с. 47]. Исследователи выделяют некоторые общие свойства, которые можно считать отличительными признаками всех прецедентных единиц среди других лингвистических феноменов: любое явление можно отнести к прецедентному, если оно: 1) связано с культурой; 2) хорошо известно широкому кругу носителей этой культуры; 3) в сжатой форме представляет некоторое знание; 4) как следствие, часто используется членами лингвокультурного сообщества [14, с. 13]. Также следует добавить, что прецедентные феномены (ПФ) единичны и уникальны, прототипичны [11, с. 37-38], «их невозможно тиражировать, их можно только «копировать»» [там же, с. 110]. Иными словами, ПФ задают образцы, к которым должна быть направлена деятельность представителя того или иного лингвокультурного сообщества (ЛКС), они не создаются заново, а воспроизводятся в сознании [2, с. 113-114].

Прототипичность, уникальность, образцовость ПФ – это не что иное, как их «эталонность», т.е. ПФ выступают, являются или воспринимаются как эталон. Проблема «эталонности» ПФ довольно сложна и неоднозначна, так как ПФ могут функционировать не только как эталоны, но и как каноны. Впервые проблема соотношения канона, эта-

лона и прецедента была поставлена И.В. Захаренко в 1997 г., в дальнейшем вопросом разграничения данных понятий занимался В.В. Красных [10, с. 77; 11, с. 108-112]. Не ставя целью подробно останавливаться на рассмотрении вышеуказанной проблемы, заметим, что «корпус ПФ представляет собой систему эталонов, во многом отражающую и определяющую механизмы регуляции общественной деятельности и общественного поведения членов ЛКС» [2, с. 118], таким образом, ПФ играют огромную роль в формировании парадигмы социального поведения.

Существование схожих точек зрения на проблему не исключает некоторых расхождений в позициях исследователей. Как заметил Р.В. Попадинец, ученые по-разному трактуют контекст функционирования ПФ («коллективное сознание» у Гудкова, «дискурс» у В.В. Красных) [14, с. 13]. Так как сознание (прежде всего языковой уровень сознания) реализует и выявляет себя в дискурсе [2, с. 38-39], в качестве рабочего определения ПФ мы будем использовать следующее: ПФ – это дискурсивные единицы, рассматриваемые как тела знаков культуры, входящие в коллективное когнитивное пространство коммуникантов, являющиеся основными компонентами общего ядра знаний и представлений определенного народа.

Важно подчеркнуть в этой связи, что, во-первых, теория прецедентности основывается на признании национальной детерминированности культурного пространства как формы существования культуры в человеческом сознании: «Нельзя на естественном языке описать «мир как он есть»: язык изначально задает своим носителям определенную картину мира, причем каждый данный язык – свою» [21, с. 5-6; цит. по 12, с. 5]. Во-вторых, вышеупомянутые феномены представляют совокупность знаний и представлений, следовательно, их объединяет форма хранения информации и оперирования ею. Это феномены одной природы, формируемые когнитивными структурами (содержательная форма кодирования и хранения информации) [11, с. 23], которые могут быть либо лингвистическими, либо феноменологическими. В-третьих, границы между индивидуальным когнитивным пространством (ИКП), коллективным когнитивным пространством (ККП) и когнитивной базой (КБ) подвижны: те или иные КС могут относиться ко всем трем когнитивным пространствам (ИКП, ККП и КБ) либо принадлежать одному или двум ККП. Кроме того, индивидуальные представления могут оказывать влияние и на границы национального культурного пространства.

Основными (но не единственными) элементами КБ являются прецедентные феномены, которые составляют национально-культурную специфику того лингво-культурного сообщества, на языке которого ведется общение. Однако исследователи, занимающиеся проблемами прецедентности, предупреждают, что с одним и тем же экстенционалом у носителей различных культур могут соотноситься разные интенционалы. Поскольку люди «общаются с помощью конкретных языков – языковых знаковых систем, имеющих национальную специфику» [1, с. 9] восприятие одного и того же ПФ представителями разных культур будет детерминировано особенностями культурного и исторического развития каждого национально-лингво-культурного сообщества. «Ясно, что слову в психике разных людей соответствуют разные ментальные образования, т. е. разная концептуализация действительности» [13, с. 161]. Итак, являясь основными компонентами КБ национально-лингво-культурного сообщества, ПФ определяют и отражают культурные ориентации и ценности этого сообщества, детерминирующие вербальное и невербальное поведение его членов.

Приведенный ниже пример из романа американского писателя Майкла Каннингема «The Hours», по нашему мнению, ярко иллюстрирует все изложенные ранее характеристики прецедентных феноменов. В романе автор

описывает один день, прожитый тремя разными женщинами в трех разных городах и в три разные эпохи. У каждой из героинь свой круг интересов, свои друзья, знакомые. Каждая из них аккумулирует в себе надежды и страхи своего поколения.

В основу сюжета романа положено одно из наиболее известных произведений британской писательницы В. Вульф («Миссис Даллоуэй»), которая вместе со своей героиней оказывается в центре повествования.

Англия, 1923 г. В. Вульф, угнетаемая мыслями о самоубийстве, начинает писать роман «Миссис Даллоуэй», посвященный одному дню из жизни обычной женщины.

Лос-Анджелес, 1949 г. Молодая американка Лора Браун, заботливая мать и верная супруга, начинает читать роман «Миссис Даллоуэй». Под влиянием депрессии, находясь на четвертом месяце беременности, она совершает попытку самоубийства, бросая малолетнего сына Ричарда.

Нью-Йорк, конец XX в. Наша современница, бизнес-леди Кларисса Вон, сумела добиться в жизни всего, к чему она стремилась, – успеха, денег, власти. Ее имя по иронии судьбы совпадает с именем героини романа Вирджинии Вульф, и бывший возлюбленный Клариссы, а ныне умирающий от СПИДа Ричард, сын Лоры Браун, называет ее миссис Даллоуэй.

Роман М. Каннингема, как и произведение В. Вульф, является примером зародившегося в начале прошлого века и получившего название «поток сознания» литературного направления. Читатель «проживает» один день вместе с каждой из героинь, окунаясь в мир их реминисценций и эмоциональных порывов благодаря обращению автора к имени миссис Даллоуэй. Вирджинию Вульф, Лору Браун и Клариссу Вон объединяет имя, которое посредством интертекстуальных связей позволяет читателю обратиться к разным эпохам. Автор романа предпринимает попытку показать все, что происходит с героинями, как единое целое: Вирджиния Вульф пишет первую строку романа – «Миссис Даллоуэй сказала, что сама купит цветы», Лора Браун читает эту строку в книге, а Кларисса произносит ее как фразу из повседневной жизни. Соединенные сквозь время невидимыми нитями прецедентности женщины испытывают одни и те же чувства, но результатом их переживаний становятся разные по трагической силе последствия.

В одном из эпизодов романа Ричард называет Клариссу Вон «Миссис Даллоуэй», при этом выбор сделан героем посредством одновременной апелляции к трем прецедентным именам: миссис Даллоуэй, Изабелла Арчер и Анна Каренина. «The name Mrs. Dalloway had been Richard's idea - a conceit tossed off one drunken dormitory night as he assured her that Vaughan was not a proper name for her. She should, he'd said, be named after a great figure in literature, and while she'd argued for **Isabel Archer** or **Anna Karenina**, Richard had insisted that **Mrs. Dalloway** was the singular and obvious choice. There was the matter of her exquisite first name, a sign too obvious to ignore, and, more important, the larger question of fate. She, Clarissa, was clearly not destined to make a disastrous marriage or fall under the wheels of a train. She was destined to charm, to prosper. So Mrs. Dalloway it was and would be» [20, p. 10-11].

В контексте произведения данные имена появляются не случайно. За каждым именем стоят представления, общие для большинства членов американского лингво-культурного сообщества. Во-первых, Ричард был твердо убежден, что Клариссу необходимо назвать в честь одной из выдающихся фигур в литературе: «She should, he'd said, be named after a great figure in literature». Во-вторых, все три персонажа являются главными героинями романов о женщинах, женской душе. В XIX – начале XX вв. было принято считать, что основным женским уделом, женской судьбой был брак. Счастье женщины мыслилось в заму-

жестве, правильном выборе спутника жизни. Но так ли удачен выбор каждой из них? Любовь Анны Карениной к блестящему офицеру Алексею Вронскому незаконна и поэтому трагична. Не найдя достойного выхода из сложившейся ситуации, Анна решает уйти из жизни, бросившись под поезд. В романе М. Каннингема в минимизированное представление об Анне Карениной редуцировалась прецедентная ситуация ее самоубийства: «She, Clarissa, was clearly not destined to ... fall under the wheels of a train». Однако Кларисса Вон не повторит судьбу героини романа Льва Толстого, а следовательно, и имя «Анна Каренина» ей не подходит.

Изабелла Арчер, будучи бесприданницей, отклоняет два перспективных в свете общепринятых представлений о замужестве предложения и, получив неожиданно наследство, связывает свою жизнь с проходившем Озмондом, который женится на ней, чтобы обеспечить будущее своей внебрачной дочери. Молодая американка становится жертвой романтического идеализма и тяжело переживает неудачный брак. Как и многие другие героини Г. Джеймса, Изабелла Арчер является воплощением «духовного американизма» – упрямой тяги к независимости, стремления самостоятельно выковать свое счастье. У М. Каннингема за именем Изабелла Арчер стоит представление о неудачном замужестве Изабеллы (She, Clarissa, was clearly not destined to make a disastrous marriage), другие дифференциальные признаки, – например, упорство, вольнолюбие – в это представление не входят.

Существующие в когнитивной базе американского лингвокультурного сообщества инварианты восприятия прецедентных имен Анна Каренина и Изабелла Арчер не позволили Ричарду Брауну назвать свою подругу ни одним из них. Герой романа М. Каннингема не хотел, чтобы судьбы этих женщин служили образцами для подражания, потому что оба имени несут отрицательную эмоционально-оценочную коннотацию. Из трех героинь только миссис Даллоуэй кажется Ричарду достойным прототипом. Он называет Клариссу Вон именем героини романа Вирджинии Вульф, так как считает, что светские хлопоты для нее, как и для миссис Даллоуэй, стали целью жизни. Ричард уверен, что Кларисса создана для того, чтобы блистать, процветать и очаровывать. Действительно, героиня В. Вульф мила, привлекательна, хорошо ладит с людьми, окружающие считают ее интеллектуалкой, прелестной женщиной, но... счастлива ли она? Любила ли она когда-либо по-настоящему? Как бы сложилась ее судьба, сделай она иной выбор, отдав предпочтение не Ричарду, внушающему уверенность в будущем, а непредсказуемому, порой загадочному Питеру Волшу? В дальнейшем Кларисса Вон повторит судьбу ранее созданного персонажа, ее также будут терзать сомнения о смысле ее собственного существования, она почувствует эмоциональную опустошенность и усталость.

Прецедентные имена Кларисса Даллоуэй, Изабелла Арчер, Анна Каренина выступают символами женской доли в современном обществе, в котором нет места искренним чувствам, а лишь установленным правилам. Они апеллируют к прецедентным ситуациям, описывающим отношения между мужчиной и женщиной. Тоска, безысходность одолевают трех героинь, они опустошены, каждая по-своему несчастна. Героини понимают, что мир полон не только радости и неисчерпаемых возможностей, но также лжи, страдания и зла.

Несомненно, прецедентность и выражающие ее фор-

мы являются неотъемлемыми единицами коммуникации, они выделяют коммуникантов как представителей данной культуры в определенное историческое время, отражают и выражают «внутреннюю», духовную жизнь человека. Прецедентное имя – один из важнейших ядерных элементов когнитивной базы. Оно выступает хранилищем культурной информации, известной практически всем членам лингвокультурного сообщества и являющейся также частью фоновых знаний, без владения которыми невозможно взаимопонимание между носителями языка и культуры, а также представителями двух или более культур.

Как особый пласт лексики прецедентные имена обладают функциональной значимостью для художественного текстопостроения. Среди всего многообразия имен собственных, наполняющих текст, указанным прецедентным единицам отводится особое место. Они призваны концентрировать значительный объем информации на незначительном участке текста. Будучи лингвокогнитивными и культурно-детерминированными сущностями, прецедентные имена используются в художественной литературе с целью ретроспекции, аккумуляции культурного богатства, воплощенного в слове и тексте, тем самым формируя концептуальную картину того или иного произведения.

1. Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г. Жизнь в мимолетных мелочах. – СПб.: Златоуст, 2006.
2. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
3. Залевская А.А. Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию // Языковое сознание и образ мира. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2000.
4. Захаренко И.В. К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. – Вып. 1. – М., 1997.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.
6. Касьянова К. О русском национальном характере. – М.: Институт национальной модели экономики, 1984.
7. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М., 2003.
8. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. – 1994. – № 1.
9. Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. – Сер. 9 «Филология». – 1997. – № 3. – С. 62-75.
10. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). – М.: Диалог МГУ, 1998.
11. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002.
12. Пак С.М. Имя собственное в американском культурном пространстве: опыт исследования когнитивных оснований ономастической лексики: Монография. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2004.
13. Пак С.М. Личное имя в лингвокогнитивном освещении // Вестник МГУ. – Сер. 9 «Филология». – 2004. – № 1. – С. 161-171.
14. Попадинец Р.В. Прецедентные имена в сознании носителя русского языка (экспериментальное исследование): Дис. ...канд. филол. наук. – Курск, 2006.
15. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М., 1996.
16. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ.; общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. – 2-е изд. – М.: Изд. группа «Прогресс», 2001.
17. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000.
18. Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 17-29.
19. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Наука, 1996.
20. Cunningham M. The Hours. – Farrar, Straus and Giroux, 2002.
21. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). – М., 1996.